

Глава 6. Маккен.

В комнате Сиэля в гнезде свернулся калачиком демоненок и задумался. Хотя они с Алоисом помирились в те последние минуты, он не ожидал увидеть мальчика снова. Теперь он был здесь, вместе с демонессой, изменившей его жизнь, и мальчик понятия не имел, как реагировать.

Затем дверь распахнулась, и Алоис мгновенно оказался у него на спине, а Лука вскарабкался в гнездо и уселся рядом с ними.

Сиэль кашлянул в лицо, полное синих пуховых перьев: «Алоис, слезь!».

«Да ладно! Тебе же нравится». дразняще сказал блондин.

Лицо Сиэля тут же запылало красным, и он сбросил Алоиса с себя в гнездо: «Честно говоря, ты бессмысленно привязчив».

Другой мальчик ухмыльнулся: «О, в этом есть смысл». Его тон не оставлял места ни для чего, кроме намеков. Сиэль вздохнул, а Лука хихикнул.

«Что вы делаете в моей комнате?»

«Ну, мы не хотели оставлять тебя ворчать в одиночестве. Поэтому мы решили зайти и поднять тебе настроение».

«Да!» с энтузиазмом добавил Лука.

Сиэль снова вздохнул и откинулся назад: «Я не понимаю. Как вы двое снова можете ходить и находиться в телах?».

Алоис притянул Луку к себе на колени и задумался на мгновение, пока младший мальчик играл с перьями вокруг его ног: «Ну... Левиафа хотела, чтобы мы снова могли обниматься и играть с ней. Говорить было приятно, но мы не могли ничего почувствовать. Поэтому она попросила кого-то сделать нам тела, чтобы мы снова могли жить. Это заняло почти целый год».

«Значит... вы двое - демоны?»

Алоис покачал головой: «Нет, мы снова люди. Но время не влияет на людей в аду, так что пока мы не уйдем, мы будем такими всегда».

«Навсегда!» подчеркнул Лука.

Сиэль наблюдал за младшим Маккеном. Он помнил, что видел его мертвое тело в воспоминаниях Алоиса, когда они боролись за контроль над его телом. В его глазах был совершенно детский дух, который до боли напомнил молодому демону Элизабет. Он подумал, что бы он почувствовал, наткнувшись на ее мертвое тело, ее широко раскрытые глаза, лишенные света, ее милая улыбка, которая больше не всегда была на ее лице. Он едва не потерял ее, когда ее забрала странная марионетка Дроселя, и это было почти невыносимо. Хотя он сомневался, что сможет полюбить Лиззи в романтическом смысле, она была ему глубоко дорога. Она была его кузиной, его невестой и самой близкой сестрой. Ее главной целью в жизни было заставить его улыбаться, и чтобы он видел в ней ту же невинную девушку, что и раньше. Она была единственным человеком, о котором он мог беззаботно и открыто заботиться после заключения контракта. Но теперь он сомневался, что она снова будет

улыбаться. Теперь она была, в некотором роде, вдовой. Она потеряла его, и Сизель прекрасно знал, как сильно она о нем заботилась. Когда ее превратили в марионетку, единственное, о чем она беспокоилась, это о том, чтобы он улыбался.

Сизель не понимал, что плачет, пока не почувствовал, что слезы каплют ему на руки. И, конечно, когда Алоис указал на это.

«Ты плачешь, Сизель?! Я думал, демоны не плачут... Что случилось?»

Даже блондин, с явным беспокойством, заставил его вспомнить об Элизабет. Возможно, он больше никогда ее не увидит. И он может оказаться причиной того, что она больше никогда не улыбнется или не будет носить яркие цвета. А может быть, именно из-за него она станет старой девой, вместо того чтобы выйти замуж. И это было больно. Он не совсем понимал, как дошел до такого состояния, но Сизель вдруг отчаянно захотел снова увидеть Элизабет.

Алоис нахмурился, глядя на слезы, текущие по лицу Сизеля; слезы, которых молодой демон, казалось, даже не замечал. Он протянул руку, чтобы вытереть их, но отпрянул. Он знал, что Сизель, вероятно, не хочет, чтобы к нему прикасались в обычном состоянии, и до сих пор он достаточно хорошо переносил двух братьев; но блондин не знал, как реагировать на слезы. Сизель, за то короткое время, что он его знал, не казался человеком, который может заплакать просто так. Особенно в присутствии гостей. У него возникло желание послать Луку за Малфасом, но он был уверен, что это только усугубит ситуацию. Поэтому трое мальчиков молча сидели в гнезде из голубых перьев: Лука играл с перьями, совершенно ничего не замечая, Алоис тревожно наблюдал за Сизелем, а Сизель беззвучно плакал.

В конце концов слезы прекратились, и внезапное желание увидеть Элизабет исчезло. Но мысль не исчезла. Однако птенец ненадолго отвлекся, когда, подняв голову, увидел, что Алоис выглядит крайне обеспокоенным.

«Ты в порядке?» спросил второй мальчик, - «Мне позвать Малфаса?».

«Я в порядке. Перестань выглядеть таким обеспокоенным. Это странно.» Сизель прошел в ванную и вытер лицо. Алоис оставил Луку в гнезде и последовал за Сизелем.

«Почему ты плакал?»

Автоматической реакцией Сизеля было полное отрицание того, что инцидент имел место. Но он сделал паузу. Он пытался заново открыть себя. Возможно, разговор о таких вещах мог бы помочь: «Я... думал кое о чем.

Я вспомнил, как ты отреагировала, когда обнаружил, что Лука мертв. Лука так сильно напоминает мне мою невесту, Элизабет, что я начал думать, что бы я чувствовал, если бы такое случилось. А однажды едва не случилось кое-что похуже».

Алоис выжидающе уставился на Сизеля, готовый услышать длинную историю: «Расскажи мне».

Мальчик-демон с минуту смотрел на бессмертного смертного, размышляя, стоит ли ему рассказывать. Блондин выглядел искренне заинтересованным, и за мгновение до этого он был действительно обеспокоен: «Ну... ты знаешь мое кольцо? То, что с голубым камнем?»

«То, в которое Клод... Арахнэ... вложил твою душу, когда украл его?»

«Да. Однажды у меня было дело, в котором исчезали все эти молодые девушки, и

единственное, что их связывало, это то, что все они получили драгоценный камень того же типа, что и в моем кольце. Бриллиант «Голубая надежда». Это был способ для похитителя пометить их. За некоторое время до этого Элизабет сломала мое кольцо. Она сразу же пожалела об этом, как только поняла его важность для меня, и Себастьян в конце концов достал все части и починил его. Однако она об этом не знала. Поэтому, когда наступило Рождество, одновременно со всеми этими исчезновениями, она решила сделать мне подарок. Она рассказала, что нашла редкий игрушечный корабль, но он оказался подделкой, и она в гневе разбила его. Но внутри было кольцо, очень похожее на мое».

Алоис смотрел на него широкими детскими глазами, полностью поглощенный рассказом. Светловолосый мальчик был так похож на Элизабет в этот момент, что Сиэлю едва не захотелось снова заплакать. Но он глубоко вздохнул и продолжил рассказ.

«Говорят, что всех, кто завладевает бриллиантом Надежды, ждет несчастье. До меня кольцом владел мой отец, который трагически погиб во время пожара. Оно принадлежало мне, и моя жизнь была не совсем прекрасной. Так разве не было уместно, чтобы моя невеста, девушка, на которой я должен был однажды жениться, нашла кольцо с этим бриллиантом? Разве не было уместно, чтобы ее похитили из-за него? Разве не было уместно, чтобы будущая леди Фантомхайв тоже пережила ужасную трагедию?

Ее похитил человек по имени Дросель. Но Дросель был живой марионеткой, и он превратил в марионеток всех тех девушек. Включая Лиззи. Я чуть не потерял ее той ночью. И она чуть не убила меня, находясь под контролем марионетки Дроселя. И самое смешное, что в последние минуты сознания перед тем, как ее заставили напасть, она сказала мне, что хочет снова увидеть мою улыбку, улыбку, как в детстве. Она сказала мне, что больше всего в жизни хочет видеть меня снова счастливым. А теперь я лишил ее этого».

Алоис был явно поражен внезапной сменой тона: «Что ты имеешь в виду?».

«Она больше никогда не увидит моей улыбки. Она никогда не сможет обнять меня почти до смерти или одеть меня в «милую» одежду. Она никогда не сможет танцевать со мной в бальном зале моего поместья. Она никогда больше не сможет тайком навестить меня в моем поместье. Потому что я покинул ее, и она думает, что я умер. Возможно, я даже отнял у нее нечто большее. Я боюсь, что, возможно, я даже лишил ее улыбки, той яркой улыбки, которой она улыбалась всякий раз, когда видела меня. Я боюсь, что я украл те яркие платья, которые она так любила надевать, когда приходила ко мне. Я боюсь, что я украл ее счастье... и если это так... я не уверен, что смогу простить себя».